

Мир России, 1985, 11 янв., №2.

«...КОТОРЫЕ БУДУТ СЛЫШАТЬ МЕНЯ»

К такой картине надо было готовиться всю жизнь. Тот эффект и тот творческий результат, которого достиг Сергей Герасимов в новом своем фильме «Лев Толстой», стал возможным именно потому, что режиссер и актер готовился к этой встрече всю жизнь. Это — фильм-этап, фильм-итог, едва ли не самое значительное произведение Герасимова.

С первых же своих кадров, с первых же едва различимых толстовских реплик фильм начинает завораживать и рождать предощущение борьбы и трагедии, горя и беды. Такая значительность, заявленная в самой завязке, и подкупает, и страшит одновременно: если столь завораживающе-напряженно начало ленты, то каким же должно стать ее продолжение, каким же тогда должен быть финал? Каких художественных, нравственных, идейных высот должна достичь картина в своей вершине и в своем итоге, если столь огромен, величествен и одновременно прост зачин этой поистине былинной истории.

Последние дни и годы жизни в Ясной Поляне, ставшие нестерпимыми муками сомнений, трагический уход и трагический исход. Сюжетно фильм вмещает в себя не так уж много событий, чего можно было бы ожидать от так называемого биографического фильма. К тому же событий, в основном известных, едва ли не со школьной скамьи.

Но «Лев Толстой» — фильм биографический лишь по видимости. Режиссера и актера менее всего интересовали факты жизни писателя, пусть и любопытные, пусть и значительные. Гораздо важнее здесь биография мыслей, сомнений, мучений, нравственных исканий, заблуждений и тупиков. Мысль, огромная толстовская мысль становится материалом и фактурой картины. Мысль — пульс и нерв картины, главное ее действующее лицо, главный ее аргумент.

Привычный канон биографического фильма здесь взорван до основания. Здесь совершенно не важно, кто и что делает и говорит. Здесь совершенно важно — кто и что думает. И как думает. Толстой — Герасимов думает трудно, мучительно, болезненно. Думает, споря с собой и миром, с людьми и обстоятельствами. Спорит до изнеможения, не давая расслабиться ни себе, ни своему окружению, ни зрителю.

Столь концентрированный, столь насыщенный и философски страстный внутренний конфликт героя и должен был разрешиться так трагически и так бесповоротно. По началу неуютная, лишь тревожащая мысль о неправильной жизни перерастает в нестерпимую мысль о несправедливой жизни. О том, что жил не так, не там и не с теми. О том, что жил, болея за человечество, любя человечество, но не всегда болел за человека и не всегда любил его — отдельно взятого, сирого, грешного, убогого, несчастного.

Драма идей, непримиримая внутренняя борьба — вот что бесконечно интересно наблюдать в картине. Рождение истины, потеря смысла, поиски веры, нахождение идеи — каждый кадр картины плотно насыщен титанической работой мысли. Казалось бы, в кадре, в рамке экрана ничего не происходит: люди пьют чай, слушают музыку, вспоминают прошлое... И — прозревают будущее.

«Странно, что мне приходится молчать с живущими вокруг меня людьми и говорить только с теми далекими по времени и месту, которые будут слышать меня» — эта дневниковая запись от 26 октября 1907 года не просто эпиграф к картине. Она — ключ к картине, и она — смысловой стержень картины. Все метания и мечтания писателя были прежде всего обращены в будущее, в котором, верил, свершится все то, чего не было в прошлом, чего не оказалось в настоящем. А снадавшая душу и мозг мысль, что стать свидетелем будущего человеческого устройства ему уже не суждено, порождало маету и неуверенность, беспокойство и боль, которые теперь уйдут лишь вместе с ним.

Герасимов-сценарист, Герасимов-режиссер и Герасимов-актер изобретательно, тонко и тактично поведали о нравственных метаниях своего героя. Не блажь, не каприз старого безумца, запутавшегося под конец жизни в вечных вопросах, а искренний и чистый порыв человека, который, когда не мог молчать — говорил, когда не мог не сделать — делал.

Не мог молчать, не мог бездействовать, и из сказанного, и из сделанного вместо ожидаемого отдохновения рождались лишь новая мука и новое испытание — и для близких, и для себя самого. Хрестоматийная история с завещанием, которое многожды переделывал и переписывал в надежде прийти к самому справедливому решению, тут же обернулось новыми испытаниями и новыми муками. Споры до хрипоты о праздной жизни наталкивались на стену искреннего непонимания: какая же праздность, если написаны тысячи страниц, которые читает весь мир! Уговоры и увещания не ломать «жизни, во всех отношениях счастливую, во имя каких-то химер».

Лев Николаевич Толстой — С. ГЕРАСИМОВ, Софья Андреевна — Т. МАКАРОВА.

На экранах —
фильм
Сергея
Герасимова
«Лев Толстой»

А жизнь действительно была счастливой, как понимала жизнь и как понимала счастье Софья Андреевна (Т. Макарова). Это потом начались раздоры и слезы, скандалы по поводу завещания, ревность к Черткову, которого полагала истинным чертом, поломавшим и запутавшим их счастливую некогда жизнь. Тамара Макарова играет женщину властную, сильную, готовую на все ради детей

и семьи. Но прежде всего она играет женщину слабую в своей полувекковой любви к мужу.

Именно любила и любит — поэтому и пытается спасти, уговорить, отговорить и защитить от сумасбродства и нищесбродства. И его, и себя, и свою к нему любовь.

Уход из Ясной Поляны она восприняла как личную трагедию и личное оскорбление. Ей нет дела до нравственных исканий и метаний, приведших Толстого к столь «безрассудному» шагу. Она уязвлена и оскорблена как любящая женщина, родившая ему тринадцать детей, делившая с ним и счастье, и несчастье. И за все это — тайком, среди ночи, без последнего прости, на верную гибель...

В невыразимой муке, затравленная и загнанная, будет она метаться в яснополянской клетке, будет мчаться вслед, чтобы спросить и простить, будет до конца дней своих мучаться вопросом, на который никогда не найдет ответ: «За что?» Этот вопрос навсегда останется в ее исстрадавшихся глазах, как навсегда останется в ее иссушенной душе любовь к человеку, который принес ей столько печали.

Лев Толстой и Софья Андреевна — пожалуй, единственная линия отношений, рассмотренная автором фильма в возможной ее полноте. Собственно, фильм, вместивший в себя столь плотное толстовское окружение последних лет, и не предполагал более подробной разработки побочных сюжетных линий. Тем не менее в кажущейся мозаичности и пестроте, в мелькании множества лиц, которые возникают лишь на несколько кинематографических мгновений, каждое из этих лиц — лицо значительное и значимое. Так вырисовывается драматургический и режиссерский принцип картины: всякий персонаж, пусть возникший мгновенно и мгновенно исчезнувший, соприкоснувшись с главным героем, раскрывает в нем какую-то дополнительную черту, вносит в его образ новый штрих, краску, оттенок, нюанс. Такое жесткое подчинение второстепенного главному, думается, и позволило Герасимову создать характер огромной духовной мощи и нравственной мятежности.

Создать такой характер и такой образ в одиночку было бы не по силам и самому одаренному актеру. Характер проявляется в окружении, образ складывается на действенном фоне, герой определяется в отношениях, в соприкосновениях с другими героями.

И как из всей этой мозаичности и неразрывной переплетенности рождается облик гениального писателя и человека, так из этого облика рождается образ, философская сущность всего написанного Толстым. В этом смысле фильм «Лев Толстой» можно считать и своего рода экранизацией творческого наследия Льва Толстого. Не той покорной, въездливой и буквальной экранизацией, где письменная речь механистически переводится в устную, а той, где удается добиться самого ценного — передачи духа экранизируемого автора со всеми его исканиями, противоречиями, сомнениями.

Этот ошеломляющий эффект, достигнутый большим мастерством, представляется мне пока единственным в своем роде: трудно что-либо привести в пример, что хоть как-то приблизилось бы к фильму С. Герасимова. Над загадкой этого эффекта наверняка будут думать и кинематографисты, и критики, и зрители, но сейчас бесспорно одно: только при таком углубленном проникновении в материал, в эпоху, в личность стал возможным столь удивительный и, повторюсь, поистине ошеломляющий результат.

И когда напряжение достигает уже немислимого своего предела, когда уже начинает казаться, что вот и все, все сыграно, поставлено и ничего уже большего и лучшего ни сыграть, ни поставить нельзя, тогда-то Герасимов мощным нарастающим аккордом завершает картину эпизодом похорон Льва Николаевича Толстого. Камера способна охватить огромность людской толпы, океана скорбных лиц, глаз, слез. Это не кинематографическая метафора и не кинематографическая гипербола, это поэтический и суровый образ, рожденный всем течением и развитием фильма: Россия, вся Россия пришла проститься с писателем, с человеком, который для многих поколений читателей стал мерилом нравственных ценностей и духовной чистоты.